

Сентября 15 (28)

Священномученик Петр (Петриков)

Священномученик Петр родился 19 января 1903 года в городе Можайске Московской губернии. Его отец, Сергей Петрович Петриков, родился в 1873 году в селе Енкаево Темниковского уезда Тамбовской губернии; в восемь лет он остался сиротой, работал батраком и пас в селе скот, затем поступил в солдаты, а после окончания службы остался в Москве. Добрые люди помогли ему получить образование, и он поступил работать на железную дорогу. Был сначала сторожем, конторщиком, а затем помощником начальника станции Тучково Александровской железной дороги. Мать священномученика Петра, Татьяна Михайловна, происходила из семьи самарских купцов. Когда Сергей Петрович получил должность помощника начальника станции, его семье выделили большой участок земли и помогли выстроить дом.

Когда Петру было восемнадцать лет, он обратился к комиссару здравоохранения Н.А. Семашко с прошением о содействии в приеме на медицинский факультет Московского университета: «Первые годы жизни моей пробежали быстро, быстро... В 7 лет поступил я во 2-й класс приходского училища при станции Батюшково Александровской железной дороги. В связи с переводами моего отца учился я в Батюшкове, Вязьме, Кубинке, затем поступил в реальное в городе Можайске, где и прожил еще 7 лет вдали от семьи...

Осенью 1920 года очень хотел поступить на медицинский факультет университета; помешала главным образом болезнь отца: его к этому времени разбил паралич... Отца лечили в университетских клиниках: теперь служит опять помощником заведующего станции Тучково.

Во время болезни отца зимой 20-21 года пробовал учиться телеграфу: необеспеченность семьи помешала занятиям...

Можно прибавить еще: я занимался и занимаюсь искусствами – пишу стихи, очерки... рисовал... но теперь уже год не имею возможности брать палитру; больше других видов искусств люблю музыку, но заниматься музыкой не было возможности... Творчески-вдохновенный, порывный, сознаю я и чувствую близость цельности душевной, так сказать; начинает формироваться и строго очерчиваться личность моя. Источники вечной юности и радости открываются во мне...»

Семашко поддержал юношу, и в 1921 году Петр был принят на медицинский факультет Московского университета. Учась на втором курсе, он переутомился от занятий и тяжело заболел. Лечился он в амбулатории при железнодорожной больнице, и лечение продолжалось около двух лет. За эти годы в его душе произошел переворот. Источники вечной юности и радости, существование которых он предчувствовал раньше, нашел он теперь во Христе.

В это время Петр познакомился со старцем Нектарием Оптинским, духовным сыном которого стал, сблизился с кругом молодых людей, и среди них – с Андреем Эльбсоном, так же, как и он, бескомпромиссно искавшим истину в том море лжи, которое все большим мраком окутывало страну. В июне 1925 года епископ Можайский Борис (Рукин) рукоположил Петра в сан диакона, и в том же

году Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Крутицкий Петр (Полянский) рукоположил его во священника.

Священник Петр Петриков

В Москве отец Петр поначалу не имел прихода и служил иногда в храмах, где служили знакомые ему священники, – например, в храме Александрийского подворья в Москве, где священником был Андрей Эльбсон. В марте 1931 года он был определен в храм Николы в Кленниках, известный долгим подвижническим служением в нем протоиерея Алексия Мечева, но прослужил здесь лишь до 14 апреля того же года. В этот день отец Петр был арестован в числе пятидесяти священнослужителей, монахов и мирян и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

На вопрос следователя о его прошлом отец Петр рассказал о своем происхождении и обучении и о том, что принял сан священника по внутреннему убеждению. Этого для следователя оказалось достаточным, так как отец Петр свидетельствовал о себе как о человеке, чуждом безбожному новому строю.

5 июня 1931 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Петра к трем годам заключения в концлагерь, и он был отправлен в Мариинские лагеря. Когда стало известно место нахождения лагеря, туда приехали мать и духовная дочь священника Вера Петровна Миронович, которая впоследствии стала его келейницей и помощницей. Поселившись неподалеку от лагеря, они стали хлопотать об отмене несправедливого приговора, так как обвинение в контрреволюционной деятельности не только не было доказано, но и вопроса такого на следствии не ставилось, – и 17 сентября 1931 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ постановило освободить священника из-под стражи, лишив его права проживания в двенадцати городах сроком на три года.

Отец Петр после освобождения поселился в городе Муроме и здесь в мае 1932 года снова был арестован. Следователь на допросе 3 июня 1932 года задал священнику ряд вопросов, ответы на которые отец Петр написал

собственноручно: «Шифров никаких не знаю (и никакими шифрами не пользовался). Богослужений у меня на квартире не совершалось (и участия в них никто не принимал).

Власть признаю, как говорят, не за страх, а за совесть. Всегда исполнял все касавшиеся меня законоположения, – не знаю ни одного случая нарушения мною таковых. Пользуюсь свободой верить во что мне угодно, по основному закону страны – конституции. Во всем происшедшем в стране вижу пути Промысла Божьего, всегда ведущего нас во благое, дарующего всегда нам полезное.

Церковь – «не от мира сего». Мои интересы – интересы чисто духовные: получение благодати и приобретение совершенств, которыми обладает Бог, в Которого верю. Вопросами политики никогда не занимался и в политических вопросах не разбираюсь. Власти подчиняюсь по совести и готов пожертвовать для нее всем, чем только могу, если это будет нужно. Только верой в Бога не могу пожертвовать никому, если когда-либо будут этого требовать. От разговоров на политические темы прошу меня освободить, так как в этих вопросах я ничего не понимаю».

17 августа 1932 года следователь, ведший дело, постановил за недостатком следственного материала следствие прекратить и арестованных освободить. После освобождения отец Петр жил до лета 1936 года в Муроме, а затем уехал на родину в Можайск, куда вслед за ним приехала его духовная дочь и где посещали его знакомые священники и родные. Здесь отец Петр снял комнату, устроил в ней домовую церковь и до самого ареста, по образу древних, служил литургию, как служили в домах христиан во время гонений от язычников.

Летом 1937 года возобновились массовые аресты верующих и духовенства, но прежде начала этих гонений сотрудники НКВД принялись арестовывать тех священников, монахов и мирян, о которых у них были какие-либо сведения и которых они подозревали в нелояльности к советской власти, то есть тех, кто воцарившееся на русской земле безбожие считали за величайшее зло, губящее русский народ. В феврале-апреле 1937 года в Москве было арестовано полтора десятка священников и мирян, и среди них – 10 апреля 1937 года – отец Петр.

Сотрудники НКВД формулировали преступную деятельность арестованных таким образом: «После принятия сталинской конституции участники контрреволюционной нелегальной церковно-монархической организации активизировали свою контрреволюционную деятельность, в феврале 1937 года в городе Москве несколько раз созывали нелегальные собрания участников контрреволюционной организации... Были приняты решения активизировать... организационную работу среди верующих... насаждать на местах контрреволюционные ячейки из духовенства, монашества, возвратившихся из ссылки... создавать тайные молитвенные здания. В этих целях... было приобретено и арендовано несколько домов в городе Можайске, Малом Ярославце, Кимрах, где были поселены возвратившиеся из ссылки монашество и духовенство».

11 и 13 апреля следователь допросил священника. На большую часть вопросов отец Петр отзывался незнанием и плохой памятью. 10 мая следователь снова допросил священника, задав почти те же вопросы. Но и на этот раз он также отозвался незнанием, категорически заявив, что никаких политических разговоров не вел.

Следователь допросил в качестве свидетеля одного из жителей города Можайска, с которым отец Петр познакомился на этапе, и тот показал, что

священник совершал в своей квартире в Можайске богослужения, на которых в качестве псаломщика была его духовная дочь, на этих же богослужениях присутствовали и заезжавшие к отцу Петру знакомые ему священники. Он также показал, что священник Петр Петриков «принадлежит к так называемому течению «истинно-православной церкви», которое по своему содержанию является крайне реакционным и антисоветским».

В июле стало известно о предстоящих новых массовых арестах, и потому окончательное решение участи отца Петра и всех арестованных было отложено. 26 августа был допрошен дежурный свидетель из числа священников, который показал, что знает Петрикова как антисоветски настроенного и ненавидящего советскую власть и партию.

21 сентября 1937 года следствие было закончено. Отца Петра обвинили в том, что он будто бы «являлся участником контрреволюционной церковно-нелегальной организации, являлся руководителем Можайского филиала, организовывал тайную домовую церковь у себя на квартире, где периодически собирались его единомышленники из города Москвы и из других мест».

26 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Петра к расстрелу. Священник Петр Петриков был расстрелян на следующий день, 27 сентября 1937 года, и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Составитель изумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века
Московской епархии. Дополнительный том 1»
Тверь, 2005 год, стр. 187-193.

Библиография

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-5682.

ЦМАМ. Ф. 714, оп. 6, д. 1851.

ЦА ФСБ России, д. Р-5593.

Архив УФСБ России по Владимирской обл., д. П-540.

Газ. «Красное Знамя». 27 октября 2001 года.

Московский журнал. 2002. № 1. Н.А. Малахова.